

Пётр Стефанович

Рец. на: Д. Домбровский. Генеалогия Мстиславичей: Первые поколения (до начала XIV в.) / Перевод К.Ю. Ерусалимского и О.А. Остапчук. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 880 с.

Petr Stefanovich

(National Research University Higher School of Economics, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: D. Dąbrowski. Genealogiia Mstislavichyey: Pervye pokoleniia (do nachala XIV v.). Saint Petersburg, 2015

В 2015 г. на русском языке было опубликовано генеалогическое исследование, по глубине и охвату материала не имеющее прецедентов в историографии, посвящённой средневековой Руси — книга Дариуша Домбровского «Генеалогия Мстиславичей» (причём в русском издании сделаны значительные поправки и дополнения по сравнению с польским изданием 2008 г.).

Домбровский — один из немногих представителей «посткоммунистического» поколения польских учёных, которые занимаются древнерусской историей. Его перу принадлежат исследования по генеалогии и по политической истории. «Генеалогия Мстиславичей» — плод многолетней работы, которую он начал, занимаясь историей Галицко-Волынской земли XII—XIV вв. Только что вышел из печати второй том биографии Даниила Галицкого, задуманной автором в трёх томах.

Исследователи Древней Руси до сих пор вынуждены опираться на краткий генеалогический справочник Баумгартена, который был составлен почти 100 лет назад и уже на момент составления имел ряд недостатков и ошибок¹. В последние 10–20 лет появились работы, посвящённые генеалогии Рюриковичей (прежде всего, справочники Д.В. Донского и Л.В. Войтовича²), но отсутствие профессионализма в значительной степени обесценивает труд авторов — источники сведений используются без должного отбора (ранние и поздние, надёжные и ненадёжные) и без специального сопоставительного анализа.

Работу Домбровского, и в этом главное достоинство его книги, отличает высокий профессионализм автора. Исследователь чётко определил набор сведений, который его интересует, строго ограничил круг используемых источников, представил историографические обзоры по каждой проблеме, встающей на пути его исследования. В результате мы имеем теперь не хаотичный набор случайных данных, каждое из которых надо по отдельности самостоятельно перепроверять, а систематический свод верифицируемых фактов и надёжных результатов.

Книга содержит 161 очерк, каждый из которых посвящён отдельному лицу из династии Рюриковичей одной ветви — потомкам умершего в 1132 г. Мстислава Великого, старшего сына Владимира Мономаха. При этом отдельно от «подлинных» Мстиславичей, т.е. тех, кто, как показывает исследование, в самом деле были потомками Мстислава, в особых разделах рассматриваются данные о «предполагаемых» и «мнимых» Мстиславичах, о которых как о потомках Мстислава либо можно говорить гипотетически, либо до сих пор писали ошибочно. Охвачены первые пять поколений Мстиславичей приблизительно до рубежа XIII—XIV вв. Это князья волынские, галицкие, смоленские, киевские, отчасти новгородские и полоцкие, в том числе такие известные, как Роман Мстиславич волынский и галицкий, его сын Даниил Галицкий, Ростислав смоленский и его правнук Мстислав Мстиславич Удалой, князь торопецкий и галицкий, ярославский князь Фёдор Чёрный и др. Такой подход оправдан исторически

и источниковедчески: с одной стороны, речь идёт об эпохе «раздробленности», когда именно князья являлись центральными фигурами исторического процесса, с другой — для XII–XIII вв. больше источников, чем для предшествующего времени и последующего.

Очерки — это «биографические досье», или «биограммы», как выражается автор во «Введении» (с. 44). Сведения о каждом лице структурированы по следующим пунктам: 1) частота его упоминаний в летописи; 2) филиация по отцу и матери; 3) дата рождения; 4) порядок рождения в ряду братьев и сестёр; 5) имя (имена) и прозвище; 6) дата смерти; 7) дата и место погребения; 8) потомки; 9) сведения о матримонимальных связях; 10) данные о супруге или супругах. Такая структура оправдана, поскольку предусматривает основные генеалогические сведения о том или ином человеке. На мой взгляд, правда, лишним является выделение первого пункта, поскольку количество упоминаний того или иного персонажа в летописи не может свидетельствовать о его реальном значении или политической активности — эти упоминания в подавляющем большинстве случаев объясняются лишь предпочтениями летописцев и сохранностью текстов, ими созданных (тема, которая в книге не поднимается). Можно ещё усомниться, насколько уместно выделение 10-го пункта при том, что основные сведения о супругах указываются в пункте 9.

В целом следует согласиться и с теми «параметрами и критериями», которые автор принимает для реконструкции генеалогических связей. Речь идёт и о нормах заключения брака (допустимый и обычный возраст вступления в брак, церковное регулирование брачных отношений и пр.), и о традициях именования, и о владениях князей как показателе принадлежности их той или иной родовой ветви, и о порядке упоминания князей в тех или иных перечислениях (с. 45–58). Даже если точка зрения, выбранная автором в утверждении «параметров» и «критериев», может показаться сомнительной, то сама их формулировка и последовательное применение в обобщении фактического материала дают базу для аргументированного спора. Понятны методы автора, из которых он исходит, а значит, возможна верификация результатов. Ничего подобного в предшествующих работах по генеалогии древнерусских князей не было.

Очень важно, что автор, учитывая разнообразные источники (их обзор предлагается во «Введении»), обосновывает суждения, как правило, только на наиболее надёжных из них — в большинстве случаев на Ипатьевской, Лаврентьевской, Новгородской 1-й и некоторых других древнейших летописях. В отличие от предшественников, автор совершенно справедливо отказался от использования таких вторичных и ненадёжных источников, как, например, родословные книги XVI–XVII вв., или таких неоднозначных и сложных для интерпретации, как сфрагистические (печати).

Чертой, отличающей труд Домбровского от других работ по древнерусской генеалогии, является также последовательное использование зарубежных источников, прежде всего польских (что, конечно, естественно для польского историка). Это важно именно в случае с Мстиславичами, которые правили в западных областях Руси и были тесно связаны с польской династией Пястов. Особенно надо приветствовать обращение к «Хронике» Яна Длугоша. Его уникальные сообщения по истории Руси давно вызвали у историков и интерес, и сомнения. Но на современном уровне науки уже ясно, что во многих из таких сообщений отразились сведения из древнерусских летописей, не дошедшие до нас, хотя Длугош внёс в них немало путаницы. В целом ряде случаев Домбровский очень убедительно распутывает эти длугошевские «клубки».

Отдавая должное профессионализму автора в выборе и работе с источниками, надо отметить и упущения. Одним из них является недостаточный учёт истории русского летописания. Автор, конечно, осознаёт сводный характер сохранившихся летописей и понимает, какие летописи сохранили аутентичные древние тексты («ранние» летописи), а какие представляют вторичную их переработку («поздние»). Однако текстологическая схема летописания, разработанная несколькими поколениями учёных с опорой на труды А.А. Шахматова³, автору осталась неизвестной, и он не использует те возможности определения текста по происхождению и содержанию, которые она даёт. Более того, иногда незнание или игнорирование генетических связей летописных списков и текстов ведёт к ошибкам или по крайней мере сомнительным предположениям. Ярким примером может служить решение, которое Д. Домб-

ровский предлагает для давно обсуждаемого вопроса о том, кем была мать Александра Невского.

Автор спорит с В.А. Кучкиным, обосновавшим тезис о том, что второй (и последней) женой владимирского князя Ярослава Всеволодовича и матерью его сына Александра (будущего Невского) была дочь торопецкого князя Мстислава Мстиславича («Удалого»). Аргументация Кучкина строится на ряде косвенных показаний, которые не удовлетворяют Домбровского, и он, отталкиваясь от свидетельства летописи, известной как «Тверской сборник», предлагает альтернативное решение, видя мать Александра в дочери одного из смоленских князей — Мстислава Романовича (с. 555—560). С предложением автора трудно согласиться не только потому, что логика его рассуждений приводит к гораздо более серьёзным проблемам, с какими сталкивается гипотеза Кучкина (например, Домбровскому приходится чисто гипотетически, плодя «новые сущности», предполагать ещё два брака Ярослава, причём по ходу дела он предлагает заведомо ошибочную интерпретацию одного показания Плано Карпини⁴). Главное состоит в том, что свидетельство «Тверского сборника» — летописи, составленной в XVI в. и сохранившейся в списках XVII в., — не может иметь приоритета ввиду сопоставимых данных более ранних летописей (Лаврентьевской, московских сводов конца XV в. и др.) и не заслуживает доверия. Обращение к ней автора в данном случае выглядит тем более удивительно, что в других местах своей работы он её показания отвергает как ошибочные (см., например, о дате смерти Ивора-Ивана Всеволодовича, с. 191).

Таким образом, без опоры на текстологически выверенные соотношения летописных списков и текстов обращения автора к тому или иному свидетельству выглядят волюнтаристски. В то же время ориентация на схему русского летописания позволила бы ему существенно сэкономить и свои силы, и объём исследования, потому что ряд летописей можно было бы просто исключить из рассмотрения как заведомо недостоверные. Например, автор очень часто в разных «биограммах» упоминает уникальные свидетельства «поздней» Густынской летописи (памятник украинской историографии 1630-х гг.), однако, насколько я сумел заметить, не признаёт их правильными. Спрашивается: надо ли вообще их учитывать, чтобы из раза в раз

убеждаться в том, что они искажены или придуманы?

В использовании Домбровским летописей бросается в глаза ещё один недостаток — странная терминология, используемая для их обозначения. В каких-то случаях термины автора, допустим, можно объяснить его принадлежностью нерусскоязычной историографической традиции. Так, «Галицко-Волынскую летопись» он предпочитает называть «Галицко-Волынской хроникой» (хотя таковой она если и является, то только частично — на протяжении так называемого Летописца Даниила Галицкого, который вошёл в состав летописи). «Киевский летописный свод конца XII века» автор называет «Киевской летописью», хотя на самом деле это именно свод, составленный около 1199 г. и объединивший летописные тексты разного происхождения, а не только киевские.

Но в некоторых случаях приходится только удивляться. Так, вместо всем хорошо известной Ипатьевской летописи, сохранившейся в ряде списков, т.е. копий (согласно терминологическому различению свода, летописи и летописного списка, давно устоявшемуся в летописоведении), автор пишет не только об «Ипатьевском своде», но и, используя названия списков Ипатьевской летописи, о каких-то неизвестных науке «Хлебниковско-Острожском» и «Погодинско-Четвертинском» сводах (с. 19—20). В других местах у него появляются ещё «Ипатьевский кодекс Киевской летописи» или совсем уж странный монстр под названием «Хлебниковско-Острожский свод Киевской летописи» (с. 177). Иногда автор явно просто путает термины «свод» и «список»: например, «Ипатьевский свод Галицко-Волынской хроники» вместо правильного «Ипатьевский список» (с. 319, 345), «Эрмитажный свод» «Московского летописного свода конца XV века» вместо правильного «Эрмитажный список» (с. 579). На этом фоне такие не вполне корректные обозначения, как «Пискаревская летопись» вместо «Пискаревский летописец» (с. 440) или «Тверская летопись» вместо «Тверской сборник» (с. 555—559), уже кажутся мелочами. Вместе со случаями явной путаницы (например, «Киевская летопись» однажды названа «поздним источником», с. 282) у читателя, знакомого с древнерусскими летописями и традицией их исследований, возникает ощущение некоторого хаоса.

Однако этот терминологический беспорядок надо считать всё-таки скорее техническим недостатком, который можно относительно легко устранить при новых изданиях книги. К таким же недочётам относятся некоторые полонизмы перевода (в целом, впрочем, выполненного на высоком уровне): вместо привычного выражения «на страницах летописи» читаем «на листах летописи» (с. 258), вдруг появляются «русины», хотя преимущественно используются термины «русский» или «древнерусский» (с. 296), вместо Феофании и Феодоры фигурируют Теофания и Теодора (с. 305–306), русский или, в крайнем случае, советский историк Н.Г. Бережков становится «российским историком» (с. 464) и т.п. Очень неудачным техническим решением представляется также передача двойных имён древнерусских князей и княгинь (княжеского-дохристианского и крестильного) без привычного в нашей историографии дефиса: например, вместо «Мстислав-Фёдор» автор пишет с пробелом «Мстислав Фёдор». В результате в косвенных падежах при указании сыновей или родственников этих князей очень трудно разобраться, какое имя к кому относится.

Тем не менее следует заключить, что в распоряжении русскоязычного читателя теперь есть фундаментальное исследование, очень полезное для понимания и изучения древнерусской истории, ясное по целям и исполнению, удобное в пользовании несмотря на внушительный объём (к «биограммам» прилагаются генеалогические таблицы и справочно-библиогра-

фический аппарат). Книга Д. Домбровского — редкий пример работы, удачно сочетающей сложный анализ и справочно-энциклопедический жанр. Нет сомнения, что она станет настольной книгой каждого историка Древней Руси. Остаётся только пожелать, чтобы начатая работа была продолжена — автором или его последователями. Ведь Мстиславичи — лишь часть разветвлённого рода Рюриковичей, полноценное генеалогическое исследование которого ещё только предстоит.

Примечания

¹ *Baumgarten N., de. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes du Xe au XIIIe siècle // Orientalia Christiana. Vol. IX-1. № 35. Roma, 1927; Baumgarten N., de. Généalogies des branches régnantes de Rurikides du XIIIe au XVIe siècle // Ibid. Vol. XXXV-1. № 94. Roma, 1934.*

² *Войтович Л.В. Княжа доба: Портрети еліти. Біла Церква, 2006; Донской Д.В. Рюриковичи. Исторический словарь. М., 2008.*

³ *Лурье Я.С. Генеалогическая схема летописей XI–XVI вв., включённых в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 40. Л., 1985. С. 190–205.*

⁴ Речь идёт об упоминании Плано Карпини некоего Ярослава, которого следует идентифицировать не с Ярославом Всеволодичем (как делает Домбровский), а с каким-то другим князем (*Горский А.А. Свидетели путешествия Плано Карпини: уникальная информация и ошибки прочтения // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2014. № 3. С. 118.*)